

К числу корифеев русской сцены, чья жизнь и творчество продолжают привлекать внимание потомков, принадлежит Мария Гавриловна Савина (1854—1915).

В Ленинградском отделении издательства «Искусство» вышла книга М. Г. Савиной «Горести и скитания» (сост., предисл. и примеч. И. Шнейдермана). В ней выдающаяся актриса рассказывает о русском театре и его мастерах, о дружбе с И. С. Тургеневым и встрече с Л. Н. Толстым.

Публикуем странички из книги о встречах М. Г. Савиной с И. С. Тургеневым и материалы из приложения «М. Г. Савина в письмах И. С. Тургенева».

Иван Сергеевич видел меня в «Майорше» в утреннем спектакле в Мариинском театре (29 февраля 1880 г.). Прямо оттуда он приехал ко мне и привез свои сочинения, которые бросил на роуль, сказав:

— Вот вам на память об удовольствии, которое вы мне доставили. Какой у вас большой талант и как вы хорошо поняли эту роль!

Я, конечно, была безмерно счастлива и попросила Ивана Сергеевича сделать надпись на книге, удивляясь, где он их взял. Оказалось, он заехал по дороге из театра в магазин и купил свои сочинения.

Из писем М. Г. Савиной к Ю. Д. Беляеву

На столе всегда стояла вазочка с розами, которые цвели перед балконом дома. Из

нилась дебютантка, то теперь, через пять лет, посмотрев «Месяц в деревне», он открыл ее для себя заново. На следующий день после спектакля он нанес Савиной визит благодарности, предваренный запиской:

«Любезнейшая Марья Гавриловна, я буду у Вас сегодня ровно в 4 часа. Пока скажу Вам, что у Вас большой и дивный талант — и я с особенным чувством целую Ваши обе руки.

Пятница (16 марта 1879 г.)

Ваш Ив. Тургенев».

Тогда с огромным успехом шла «Дикарка». Авторы — А. Н. Островский и Н. Я. Соловьев — восторгались игрой Савиной. Похвалил и Тургенев. «Вчера вечером, — писал он Полине Виардо, — я был в театре, чтобы посмотреть г-жу Савину в пьесе «Дикарка», где она сыг-

ТУРГЕНЕВ И САВИНА

сада несся запах липы от аллеи, посаженных Иваном Сергеевичем. В открытое окно у письменного стола врывалась огромная ветка дерева, и большой образ Спасителя строго смотрел из угла. Эта комната была обаятельна по своей простоте. В большом кожаном кресле (его матери) сидел Иван Сергеевич, а у ног его на такой же скамеечке сидела я и слушала (счастливая!) «Стихотворения в прозе», которые «никогда не будут напечатаны». Иван Сергеевич достал из стола небольшую зеленую кожаную книжку и читал, читал... а — у меня слезы капали одна за другой. Некоторые напечатаны, но то, которое особенно меня поразило, нет. В нем говорилось о большой, огромной любви к женщине, которой отдана вся жизнь и которая не принесет цветка и не уронит слезы на могилу автора. На мой вопрос, почему оно не должно быть напечатано, Иван Сергеевич ответил: «Это обидело бы ее».

После этого чтения мы пошли в сад слушать «ночные голоса». Я понятия не имела, что это такое, и трусила темноты, но Иван Сергеевич вел меня под руку по знакомым ему местам и объяснял мне каждый звук, угадывая скорее, как мне казалось, чем слыша.

Тургенев и Савина... Это сочетание имен принадлежит истории литературы и театра. Тем интереснее проследить развитие их отношений, чем была эта дружба для каждого из них.

Савина думала, что до посещения спектакля «Месяц в деревне» Тургенев не имел о ней никакого понятия. Она не знала, что он присутствовал на одном из дебютных ее спектаклей (9 мая 1874 г.) и написал Полине Виардо: «Вчера после довольно плохого обеда в гостинице в русском театре три пьесы — две прескверные, одна плохая. В последней старый московский актер Шумский, добротный второй класс, чем-то похож на Боткина, и новая актриса, м-ль Савина, не без таланта, лицо милое и умное, но весьма недоброе, а голос ужасный, в нос, так и слышишь русскую горничную».

Если Тургеневу и запом-

рала молодую девушку — естественную, близкую к природе. Она проявила большой талант, создала определенный тип, выказав с начала и до конца подлинное мастерство. Я уверен, что Вам бы это понравилось. Среди полных бездарностей, которые ее окружают, она единственная, о ком можно говорить серьезно. У нее есть темперамент, живость, искристость. Ее ахиллесовой пятой является голос — однотонный, неприятный, вульгарного тембра».

18 апреля 1880 года, уже из Москвы, Тургенев пишет: «Из всех моих петербургских воспоминаний — самым дорогим и хорошим — остались Вы. Напишите мне пару строчек о Ваших намерениях». Савина не замедлила ответить и тем побудила к новым признаниям. «...я искренне полюбил Вас, — писал он 24 апреля. — Я почувствовал, что Вы стали в моей жизни чем-то таким, с которым я уже никогда не расстанусь». Зная, что ей предстоят гастроли в Одессе, он пытается уговорить Савину заехать по дороге хотя бы на один день к нему в Спасское, а если это невозможно, то пусть выберет поезд, идущий через Мценск: тогда он подсядет к ней в купе и они вместе проедут до Орла; он предусмотрительно сообщает расписание поездов. Следующее письмо, помеченное полночью того же числа, заключено такими строками: «Ну — прощайте — или лучше: до свиданья... Я уже теперь мечтаю о нашей поездке в вагоне из Мценска до Орла...».

Эти письма, драгоценнейшее свое достояние, Савина почти никому не показывала (на Тургеневскую выставку 1909 года она послала только конверты, собственноручно надписанные Тургеневым). Достоверно известен нам лишь их сторонний читатель — А. Ф. Кони, также близко знавший Ивана Сергеевича. После смерти актрисы Кони по просьбе Молчанова и подготовил их к изданию.